

Первая книга Владимира Кунина «Настоящий мужчина» была напечатана почти тридцать лет назад в Москве. Его предпоследняя книга «Иванов и Рабинович, или Ай гоу ту Хайфа». Сказка для кино и отъезжающих увидела свет два года назад сначала в Нью-Йорке, потом в Ленинграде, далее — везде, совсем, как «Интердевочка», сделавшая автора знаменитым и много изменившая в его судьбе.

Новая книга Кунина «Русские на Мариенплац», написанная в Мюнхене, авантюрно-приключенческий роман из жизни российской эмиграции последней волны (автор определяет свое сочинение как «рождественский роман») накануне Нового года выходит в Санкт-Петербургском издательстве «Новый Геликон».

Всего у Кунина вышло на Родине восемь книг прозы, однако писателем он себя не считает, хотя и состоит в членстве писательского союза четверть века. «Я профессиональный киносценарист», — подчеркивает Кунин, по сценариям которого снято тридцать два фильма, в том числе такие, как «Хроника пикирующего бомбардировщика» — его увидели в пятидесяти странах мира, «Старшина», за который сценарист получил Государственную премию СССР, «Ребро Адама», собравший целый букет — семь призов на престижных международных кинофестивалях и принесший Кунину в городе Пескаре (Италия) в 1991 году «Золотой Флорин» за лучший сценарий. Кунин добавляет: «Разве что после публикации рождественского романа смогу быть причислен к писательскому цеху...»

В связи с предстоящим выходом книги «Русские на Мариенплац» Кунин прилетел из Мюнхена в родной город, которому за время его отсутствия возвращено историческое имя Святого Петра. Прилетел на три недели, собираясь вернуться в Мюнхен 28 ноября. Но билет пришлось сдать. Судьба. Впрочем, об этом позже, а сейчас, воспользовавшись приездом Владимира Кунина в родные пенаты, поговорим о том, как сложилась в Мюнхене судьба русского кинодраматурга и прозаика, написавшего один из самых известных (записной литературный критик непременно добавит — скандально известных) постперестроечных бестселлеров — «Интердевочку», помимо прочего, и приведшую его в Мюнхен. Не так ли?

— Так, разумеется, так, — соглашается Владимир Владимирович. — После того, как журнал «Аврора» в начале 1988 года с вашей легкой руки напечатал «Интердевочку» (я заведовал тогда отделом прозы в «Авроре» и был первым редактором «Интердевочки»). А.С., после того, как ее обלאили во всех отечественных газетах, она вышла в свет в Советском Союзе... в СНГ?.. Короче — у нас девять раз общим тиражом почти три миллиона. Тогда же, в разгар этого бума, со мной связался мюнхенский издатель Лев Ройтман — он ведет на радио «Свобода» программу «Комментаторы за круглым столом» — и напечатал ее в Западной Германии. Впоследствии он продал «Интердевочку» еще в двадцать три страны, и ее смогли прочитать читатели Европы, Америки, Азии. Всего она была переведена на семнадцать языков.

НАДОЕЛ ПРОКЛЯТЫЙ РЕАЛИЗМ

— «Интердевочка» прошла шумно — у нас в стране, по всему миру, — продолжает Кунин. — Как будто приоткрылась створка: на эту тему, оказывается, можно писать. И наши газеты запестрели огромным количеством очерков о проститутках, валютчиках. Оказалось, все это у нас есть. Газеты, еще вчера поносившие меня за очернение действительности и дурновкусие, начали писать о том же самым с наслаждением, с нездоровым смакованием деталей.

Наблюдая за всем этим, я подумал, что не хочу больше писать вещи реалистические, ибо время создания рукописи, время ее продвижения в печать столь замедлены, что сегодняшняя жизнь ежесекундно обгоняет процесс работы над такими вещами, оставляя далеко за собой, де-

шивали друг друга после выхода книги: «Этот какой Кунин?.. Не тот, что гонялся с нами в Италии когда-то?.. Не тот, что был в Швеции в таком-то году?..» Я положил сказочную, а может, и не вполне сказочную, историю на, как вы точно сказали, «подушку» абсолютной реальности. В моей книге все реально. Все, кроме... А кроме чего — не знаю. И все-таки это — сказка.

— Утешительная сказка, как написала о ваших киноисториях Ирина Павлова, петербургский кинокритик. И пояснила, что вовсе не ругает вас за эту утешительность, за то, что ваши филь-

мной истории и изучает сейчас возможность поставить в Голливуде фильм по сценарию «I go to Haifa», который я специально для него написал. Кстати, сигналом-позывными на английском языке — «I go to Haifa» названо и первое зарубежное издание сказки, увидевшее свет в солидном мюнхенском издательстве «Пиппер-ферлаг».

— В Мюнхене, Владимир Владимирович, вы теперь бываете чаще, чем в родном Питере и даже чем в любимом вашем Репине, где во времена застойные мы с вами нередко соседствовали в кинематографическом Доме твор-

— И вам захотелось написать еще одну книгу об эмиграции, третью по счету, ведь эта тема впервые была заявлена в «Интердевочке», героиня которой Таня Зайцева уехала в Швецию, подхвачена в «Иванове и Рабиновиче», которых язык, логичи и яхта «Опричник» довели до Израиля... Захотелось написать третью книгу о русской, советской эмиграции — о трех разных людях: москвиче, цирковом эквилибристе мирового класса Эдуарде Петрове, повоевавшем в Афганистане, молодой студентке Ленинградского института культуры Кате Гуревич, играющей

только российскими, но и албанскими, польскими, югославскими, турецкими... Я стал своим человеком в вонхаймах, где жили эти несчастные, а может быть, и счастливые по-своему люди — до конца я всего, конечно же, не понял. Но о том, что увидел и сумел осмыслить, я написал в этой книге. Я постарался подойти не очень трагически к этой истории, которая сочинилась сама по себе и как бы вытекала самостоятельно из целого ряда реалий, узанных мной за последние четыре года в Германии. Я постарался опять сочинить сказку, читая которую люди и смеялись бы, и плакали. И нашли бы чем утешиться...

— И все-таки, Владимир Владимирович, вы, как опытный драматург, ловко перевели нашу беседу на другие рельсы, уйдя от ответа на вопрос, почему же лично вы, обласканный Западом как мало кто из российских писателей и кинодраматургов, не захотели эмигрировать?

— И не думал переводить стрелки, вот еще... Я же в основном про это и талдычу битый час: эмиграция — это несчастье, даже люди со «Свободы» (они поставили девять моих радиопьес), живущие в Мюнхене по двадцать лет и хорошо зарабатывающие, в общем-то не имеют того, что называется истинной Родиной. Все мы, уехавшие отсюда на время или навсегда, гости там, на той земле. И я прекрасно отдаю себе отчет в том, что интерес Запада ко мне связан с тем, что я русский писатель и сценарист. Но не только этот трезвый расчет руководит мною. Просто я, наверное, не могу жить без этой страны с ее уродливым настоящим, без родного русского языка, на котором я разговариваю и со своими читателями-зрителями, и со своими врачами...

БУДЕМ ЗДОРОВЫ

Вот и настало время сказать о фатальных обстоятельствах, о слепой или, по Тютчеву, всевидящей судьбе, резко изменившей все планы известного писателя.

За последние десять лет он перенес четыре сложные операции на почках. По приезде в Петербург появились сильные боли в области позвоночника. Думал: последствия давней цирковой травмы. Оказалось, дело совсем не в этом. Врачи забрали его на Песочную, в крупную больницу в стране онкологическую клинику. Судят и рдят теперь, что им делать с этим пациентом, потерявшим за три недели девять с половиной килограммов. Пришла беда — отворил ворота. Через несколько дней после нашей встречи должны были сделать операцию жене Кунина Ирине, прекрасному ленфильмовскому художнику по костюмам, мужественной женщине, вырастившей Вовку-младшего (первая жена Кунина погибла тридцать лет назад, оставив шестилетнего сына), перенесшей в свое время серьезную операцию.

Никогда я не видел прежде настоящего мужчину — летчика, акробата, лихого водителя, всегда изысканно одевающегося — таким ослабленным.

Несмотря на мои протесты, вышел проводить меня в прихожую (врачи отпустили его домой на субботу и воскресенье).

На прощание сказал: — Многое в сегодняшней России, которую я не видел полтора года, повергает меня в ужас, в леденящую душу кошмар. Но я надеюсь, что Россия выздоровеет.

И совсем по-кунински, с былой лихостью добавил: — Да и я, надеюсь, тоже.

Это он при Ирине, которая пришла из кухни. А за закрытыми дверями кабинета сказал:

— Я-то свое пожил, я-то ладно, лишь бы Ирка выкарабкалась, она ведь на двенадцать лет моложе меня.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА ПИШЕТ СКАЗКИ

мы дают человеку силы жить дальше...

ПОД КУПОЛОМ СОВЕТСКОГО ЦИРКА

— Хорошо, коли так, — соглашается Кунин. — Я признателен Павловой, увидевшей это в моих картинах, услышавшей эту драгоценную для меня ноту в моих сочинениях. Могу сказать, что я неплохо знаю невдуманную, несочиненную жизнь. Я вообще начал писать очень поздно, мне было под сорок, когда вышли моя первая книга и мой первый фильм. В шестнадцать лет, в мае сорок четвертого, я пошел на фронт, но повоевать не пришлось — не успел: окончил Чкаловское военно-авиационное училище в августе сорок пятого и шесть лет служил в Советской Армии, летал штурманом на «пешках», пикирующих бомбардировщиках «П-2», потом «Т-2». После демобилизации работал шофером такси, учился в школе тренеров при Институте физкультуры Лесгафта, был мастером спорта по акробатике, выступал в цирке, отработав на аренах всех цирков Союза — от Львова до Владивостока и от Мурманска до Душанбе, там серьезно поломался, полгода повалялся по разным больницам, в ЦИТО. В Москве написал два своих первых рассказа про цирк. Тут меня как раз и навестили корреспонденты журнала «Советский цирк», в котором удивились этим рассказам так, будто бы шимпанзе заговорил человеческим голосом. Удивились и напечатали. После чего я два года проработал спецкором в этом журнале и в газете «Советская культура»... Я иногда думаю, что, может быть, оттого я так люблю сказки с хорошим концом, утешительные истории, что на собственной шкуре испытал, какой горькой жизнь бывает на вкус, горькой и жестокой, испытал и знаю, как нуждаются люди в сочувствии, в утешении. Это вовсе не значит, что я люблю, чтобы из сочинения торчал указующий перст сочинителя, всезнающего и всепонимающего творца. Упаси Бог! Я хочу оставить читателя наедине с его собственными фантазиями, пробужденными во время чтения моей книги. Если я сумел пробудить в читателе его фантазию, сделать его своим соавтором, я просто счастлив. И я очень рад, что моя сказка про Иванова и Рабиновича уже достигла миллионных тиражей и вот-вот выйдет в свет у нас ее пятое издание, что люди, читая ее, смеются и плачут. Я горжусь тем, что великий киорежиссер Милош Форман заинтересовался сюжетом

чества. Как прикажете это понимать? Может быть, написав сказку для кино и отъезжающих, вы воспользовались собственными рекомендациями плюс успехом на Западе двух ваших бестселлеров и тоже «отъехали», пополнив не мелкую реку российской эмиграции?..

— Я не эмигрант, нет. Я был и остаюсь гражданином России, хотя, не скрою, мои издатели, руководители кинофирм много раз предлагали мне эмигрировать и жить на Западе. Не буду кривить душой и утверждать, что через неделю-другую жизни в сытой Германии меня охватывает ностальгическая грусть-тоска по Родине и я сплю и вижу, как поскорее вернуться на свою гражданку или в 34-й номер репинского кинодома, где я жил по многу месяцев кряду. Ничего подобного. Будучи приглашенным в свое время в Мюнхен своим издателем, завязав впоследствии отношения с немецкими кинофирмами, подолгу живя здесь, я очень полюбил этот город, главный город Баварии. У меня появилось здесь много знакомых — настоящих немецких интеллигентов. Одна дама — Хайди Вальтершпиль и ее муж, видный юрист доктор Клаус Вальтершпиль, — предложили мне быть моими литературными агентами, взяв на себя все заботы по моему благоустройству в Мюнхене, по моим контрактам с издательствами и кинофирмами.

МИЧУРИНСКИЙ ОПЫТ НА ЧЕЛОВЕКЕ

Многочисленные поездки в Мюнхен, и не только в Мюнхен, не только в Германию — я побывал и в Америке, и в Израиле, Франции, Швеции. Польше — позволили мне увидеть, как живет русская и еврейская эмиграция из бывшего Советского Союза. Я познакомился с теми русскими, которые купили себе документы евреев, чтобы уехать в Израиль, или попросили политическое убежище у еврейской общины в Германии. Я встречал очень глупых евреев и очень глупых русских. Я не встречал только очень счастливых — ни евреев, ни русских. Не так уж им всем повезло с отъездом. Скорее всего, им совсем не повезло там. Может быть, от чего-то они спаслись, от чего-то уберечься. Может быть. Но изменить свои корни, делать какие-то новые генетически им неродственные прививки — все эти мичуринские опыты на человеке, на человечестве по сути своей трагичны. Да-да, трагичны, как бы хорошо у одного из тысяч эмигрантов ни сложились дела в Израиле, или в Штатах. Или в Германии.

на гитаре и поющей русские романсы с интонацией Нани Брегвадзе, уехавшей с отцом в Израиль, а оттуда переехавшей в Мюнхен, казахе Нартае Сапаргалиеве, старшем сержанте Советской Армии, лучшим механике-водителе танка Западной группы войск, выкраденном русско-польской мафией вместе со своей боевой машиной с железнодорожной платформы во время возвращения на Родину... В общем-то все они совершенно случайно оказались в эмиграции, разве что Петров не случайно. Повествование в этом рождественском романе, как я написал в подзаголовке, ведется от лица этих трех персонажей и помогающего им автора, композиция сложная, я сам в ней иногда запутываюсь, но потом, кажется, свожу концы с концами.

— Я думаю, что ваш коллега, петербургский писатель Александр Китинский, ставший в рыночные времена издателем и первым выпускающим на днях ваш, как он утверждает, очередной бестселлер, не похвалит нас, если мы со страниц популярной газеты разболтаем все фальшивые, сюжетные ходы книги. Скажу только, что в отличие от «Интердевочки» я прочитал ее не за одну ночь, а за две — все-таки в ней поболее трехсот страниц, в два раза толще «Интердевочки». Говоря вашим языком, опять наоборот: черт знает что и опять все предельно достоверно и узнаваемо, словно вы ведете репортаж из тесных общежитий-вонхаймов, где живут беженцы, с импровизированных концертов штрапсен-артистов, со сходняков мафиози и со сборищ неонацистов... Думаю, ни издатель, ни будущий читатель, которым вы вместе с «Новым Геликоном» пригласили отличнейший рождественский и новогодний подарок, не будут к нам в претензии, если мы приоткроем завесу над тем, как и сколько вы работали над «Русскими на Мариенплац»?

— Писал я этот роман ровно семнадцать месяцев. Чтобы «подушка» была сугубо реальной, я должен был, работая, дышать тем воздухом, жить в тех реалиях. Вот почему полтора года меня не видели дома. А материал непосредственно для этой книги собирал два года. С кем только не сводила меня судьба — и с мафиози, русскими и польскими, и с криминальной полицией Гамбурга, Берлина и Мюнхена, и с экс-знаменитостями из мира спорта, и с уличными артистами из разных стран мира, и с немецкими чиновниками (я убедился, что немецкий бюрократ куда махровее нашего, российского) и, конечно, и прежде всего, с эмигрантами, причем не